№ 32 АВГУСТ МОСКВА 1942 • ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» • ГОД ИЗДАНИЯ XXI • ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

КРОКОДИЛ

Рис. Ю. Ганфа

ЛОВКОСТЬ РУК

— Стыдитесь, герр Геббельс, нельзя же в самом деле так меня обсчитывать!

УТРЕННЯЯ ЗАРЯДКА

Рис. И. Семенова

Французские патриоты напали на группу германских летчиков, занимавшихся гимнастикой на стадионе Жан Буэн в Париже.

— Приготовились!.. Огонь!.. Обер-лейтенант приступает к упражнениям!

Страшная месть

1

СУХОПАРАЯ фрау Кранц пришла с улицы очень возбужденная.

Не снимая пальто, она прямо с марша атаковала мясную тушу, валявшуюся в кресле с газетой в руках:

— Герман! Оставь газету. И немедленно отвечай на мой вопрос. Кто в нашем городе фюрер? Я тебя спрашиваю: кто?

— Конечно, я,— скромно ответила туша.

— Ты шутишь, Герман!— вскричала позеленевшая супруга. — Ты не фюрер. Ты старый тюфяк, рваная калоша, дырявый мешок... и...

— ...и паршивая свинья, — подсказал муж.

— Да, да: и паршивая свинья,— охотно согласилась фрау Кранц.— Тебя ругают. Тебя всячески поносят. А ты молчишь, как пень!

— А что же мне с тобой делать?— лениво спросил герр Кранц.— Опять стукнуть, что ли?

— А я тут при чем? Идиот, разве я тебя ругаю? Разве я тебя, жирный чорт, трогаю? Мюллера, аптекаря Мюллера,— вот кого надо стукнуть! Он всем говорит, что ты вор. Да, вор, грабитель, взяточник.

— Это ты точно знаешь?

— Я? Я ничего не знаю. Это он так говорит.

— Аптекарь? Он, видно, очень осведомленный субъект. Надо будет избавиться от этого нашатырного спирта.

— В тюрьму его, подлеца!

— Тюрьмы здесь мало.

— В концлагерь!

— Слабовато.

— Повесить!

— Слишком мягко.

— Что же ты с ним сделаешь, милый?

— Я для этой касторки придумал другое наказание. О, это будет страшная месть!

2

Через две недели.

В семье аптекаря Мюллера переполох и смятение. Бледный аптекарь лежит на диване, и вид у него (не у дивана, а у аптекаря) такой, как будто ему только что поставили банки. Взлохмаченная аптекарша нервно пьет валерьяновые капли. Старая тетка Минна, воспользовавшись суматохой, вливает в свой хрупкий организм четвертую чашку кофе.

— За что?— стонет аптекарша.— За что?

— Не знаю,— хрипло отвечает аптекарь.— Ничего не знаю.

— Какое несчастье! Какое несчастье! — повторяет тетя Минна, облизывая губы.

— Что делать? Что делать?

— Ничего не сделаешь. Придется ехать.

— Тысяча гектаров! Большой сосновый лес! Что же с тобой будет? Бедный мой Генрих!

— Какое несчастье! Какое несчастье!

— Рожь, конопля, лен... За что? Сердце разрывается на части. Милый Генрих... А ты уже позаботился о...

— Все сделано: чемодан уложен.

— Какое несчастье! Какое несчастье!

— Чемодан уложен? Это хорошо, Генрих. Но ты уже позаботился о...

— Все сделано: билет бесплатный.

— Билет бесплатный? Это хорошо, Генрих. Но ты уже позаботился о завещании?

— Что? Ты думаешь: меня там обязательно убьют? Ты в этом уверена?

— Все так говорят. Там же сплошные партизаны. Они же стреляют, Генрих! Почему им не запрещают? Издать бы приказ — и все.

— Это все проделки Кранца. Я это хорошо знаю. Ну и свинью же он мне подложил!

— Что тебе там сказали?

— Вызывают меня и вполне вежливо говорят: «Поздравляем вас, герр Мюллер: вас постигло большое счастье». Я сразу почувствовал что-то недоброе. И дают мне читать бумажку. А бумажка из Берлина. Там сказано, что по распоряжению министерства я получаю в подарок...

— Какое несчастье! Какое несчастье!

— Не мешайте, тетя Минна... Я получаю в подарок имение в России, где-то возле Витебска, куда я и должен немедленно выехать. Тысяча гектаров земли — рожь, конопля, лен. И кроме того большой сосновый лес.

— Лес — это же страшно: в ихних лесах одни партизаны!

— И во ржи, и в конопле, и во льну — всюду.

— За что? За что?! Тетя Минна, вам вредно пить столько кофе.

— Знаю, милая, что вредно. Но разве в такой момент думаешь о себе?

3

Вот уже вторая неделя, как помещик Мюллер приехал в свое поместье. Это под Витебском. В тридцати километрах.

Недавно вечером он сел у окна покурить...

Похороны помещика Мюллера состоялись через день.

Очень скромные похороны.

Г. РЫКЛИН.

Незвонкий человек

В деревне-невеличке
Свой коротает век
Семен Петрович Птичкин —
Незвонкий человек.

Живет, нужды не зная,
И всем одно твердит:
— Моя, мол, хата с краю,
Как видите, стоит.

Я человек незвонкий,
Не тронь меня, беда,
Храни мою хатёнку,
Счастливая звезда!

Прожить бы сколько надо,
А выйдет смерти срок —
Помру — и за ограду
Под крайний бугорок.

В колхозе споры, стычки,
Шумит артельный век...
На печке дремлет Птичкин —
Незвонкий человек.

...Пожаром полыхает
Небес родимых щит,
Вороньим грозным граем
Родимый лес гремит.

На мирные деревни,
Людской слезой пьяна,
Идет походкой древней
Кровавая война.

И с вытоптанных пашен
Несется бабий плач,
Сжигает села наши
Фашист — лихой палач.

Лютует вражья стая,
Младенцев не щадит...
Как хищный зверь, шагает
С неметчины бандит.

И с наглостью привычной
Стальной гремит броней,
С народом вместе Птичкин
Идет на смертный бой.

Идет, а дума злая
Его опять томит:

«Моя-то хата с краю,
Помилуйте, стоит!

Не с мыслию о славе
Пошел я на войну.
Вдовой бы не оставить
Авдотьюшку-жену!

Детишек бы сиротской
Судьбой не наградить,
Под пулей идиотской
Башку бы не сложить!

На что моя хатёнка
Треклятому врагу?
Я человек незвонкий —
Я лучше убегу!..»

Река. На берег правый
Был брошен батальон,
Охрана переправы —
Его святой закон.

— Умрем, а не пропустим
Коварного врага!..
А Птичкин... все на кустик
Глядит исподтишка!..

И хочется бедняжке,
В истоме и тоске,
Стать крохотной букашкой
На маленьком листке!

Бушует бой кровавый,
Вскипая там и тут,
Иной погиб со славой,
Иные с ней живут!..

Они пускают танки,
А мы их — на куски!
И вон волочут танки
Железные кишки!..

Теперь ревут моторы
Над самой головой,
И бомбы-метеоры
Взметают прах земной.

Бойцы зарылись в щели.
Уйдет немецкий бес!
Но Птичкин уж у цели:
Он дунул прямо в лес.

Пропасть — чего бы проще, —
Но трус остался жив!
Он добежал до рощи,
Не угадав в разрыв.

Сидит там тише зайца
Под крайнею сосной
И жрет сорочьи яйца
С водою дождевой!..

«Авось, пройдет сторонкой
Военная пурга.
Я человек незвонкий,
Я обожду пока!..»

А в старой деревушке,
На родине труса,
Уже грохочут пушки,
Томятся небеса.

И черный танк, проклятый,
С драконом на броне,
Стоит у крайней хаты,
Как памятник войне!

С повадкою знакомой
Ефрейтор, сукин сын,
На желтую солому
Льет едкий керосин.

Детишки воют в страхе,
Но грянул автомат —
И вот они во прахе
Безмолвные лежат!

Свечой горит хатёнка,
В крови, в слезах жена.
Не обошла сторонкой
Тебя, Семен, война!..

Живой и невредимый,
Но весь в грязи, босой,
Как дикий вепрь, гонимый
Охотничьей трубой,

Как ком травы колючей —
Трофей степных ветров,
Скитаньями измучен,
В священный край отцов

Пробрался все же Птичкин.
Идет проселком он
В деревню-невеличку,
Где вырос и рожден.

Здесь с каждою травинкой
Семен давно на «ты».
— Здорово, мать-осинка,
Привет, друзья-кусты!..

Выходит из лощины
(На сердце тяжело).
Знакомые картины:
Луга, холмы, село.

Но что там? Мать честная!
Кругом — одна зола!..
От края и до края
Все сожжено дотла!..

— А где же хата? Дети?
Жена?.. Но в дымной мгле
Лишь одичавший петел
Копается в золе.

К реке, смеясь, саксонцы
Ведут купать коней.
Беги, Семен! И к солнцу
Не смей поднять очей!..

Он в лес бежит, в трясину,
Безумный, сам не свой...
Куда? Но поздно! Тина
Сошлась над головой...

Товарищ! Строки эти
Я для того сложил,
Чтоб ты на белом свете
Не так, как Птичкин жил.

Делами боевыми
Прославь свое житье,
Чтоб песней стало имя
Геройское твое!

За родину, за хату,
За честь семьи родной —
За все, что сердцу свято,
Иди бесстрашно в бой!

Леонид ЛЕНЧ

Иллюстрации К. Елисеева

Рис. Б. Фридкина

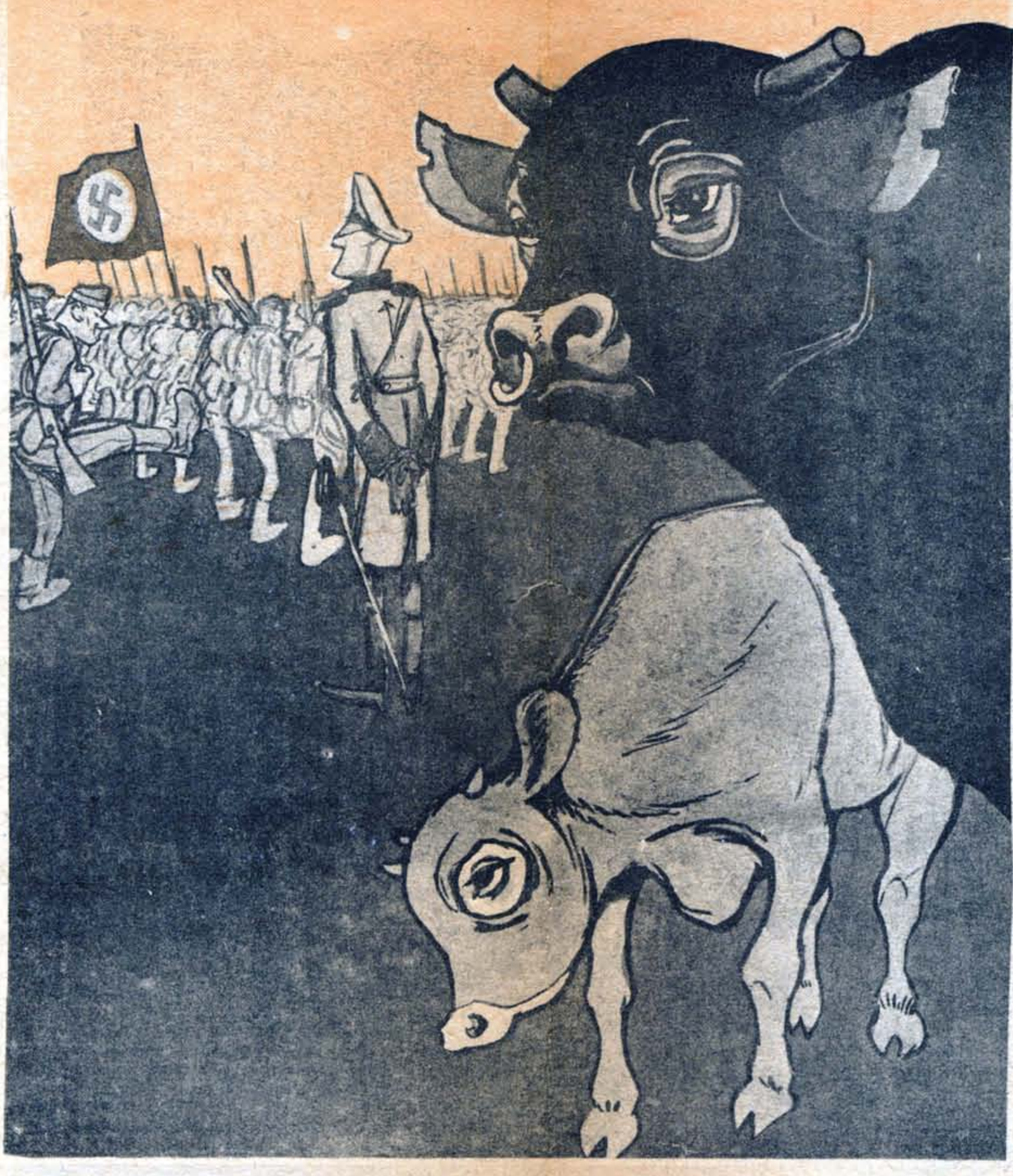
НЕОПЫТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

— Вот чудак герр Шнапс! Едет на Украину, а взял билет туда и обратно.

Рис. К. Елисеева

СРЕДИ ЖИВОТНЫХ

— Посмотри, телушка, а вон там гонят пушечное мясо.

МОЛОДЕЦ ПРОТИВ ОВЕЦ

Рис. А. Каневского

Легко преодолимое препятствие.

История с головой

ДИМА Султан был известен в широких кругах уголовного розыска как ловкий поездной вор, в прошлом «домушник». К началу войны Дима Султан оказался в витебской тюрьме: его постигла неудача на маршруте Москва—Минск, и из международного вагона Диме пришлось пересесть в тюремную камеру. Следствие уже подходило к концу, когда началась война. Как-то так получилось, что в одну из тревожных ночей Диме Султану удалось бежать.

Под свежим впечатлением тюрьмы Дима, конечно, сразу «рванул» на запад. Довольно легко ему удалось пройти в тыл немцев, и он пробыл там довольно долго. Но, изучив обстановку, Дима Султан пришел к выводу, что там, где немцы, ему делать нечего: в поездах ездили одни немецкие солдаты и офицеры, сами смотревшие, как бы чего стянуть, а в домах тоже немцы забирали все подчистую.

Дима Султан решил двинуться на восток. Он снова пробрался к линии фронта, но тут он встретил серьезные трудности. Дима прекрасно знал, как влезть в форточку и как проехать без билета в международном вагоне, но не знал, как переходят линию фронта. Он тщательно обдумал создавшуюся ситуацию и принял решение.

В предвечернее время немецкий патруль, стоявший на окраине маленького городка, увидел на дороге одинокую фигуру, размашистым шагом приближавшуюся к городу. Это шел Дима Султан. На его небритой морде была написана мировая скорбь, и еще за полкилометра до патруля Дима резво поднял вверх обе руки.

Этот городок, стоящий на реке Сытиха, никогда не был крупным населенным центром. И река Сытиха тоже в списках судоходных рек не числилась. А к приходу немцев городок совсем опустел — осталось в нем не больше 200 жителей. Но получилось так, что из этих двухсот немецкий комендант города не мог подобрать ни одной сволочи, годной для исполнения обязанностей городского головы. Немецкому коменданту это весьма не нравилось.

И вот сидит комендант в своем кабинете и вводят к нему Диму Султана.

— Кто такой? — спрашивает комендант.

— Узник коммунизма,— трагически надломленным голосом ответил Дима.

Затем он рассказал немецкому коменданту совершенно захватывающую историю о своей борьбе против советской власти и о том, как его преследовали, как страдали его мама и папа и как, наконец, схватили его в Минске, судили, приговорили к расстрелу, но не успели казнить, так как пришли немцы.

Вы, конечно, догадываетесь: Дима Султан был назначен городским головой. Эту собачью обязанность Дима исполнял довольно аккуратно.

Однажды вечером приходит к голове какой-то подозрительный субъект и говорит:

— Я хочу жить в доме, в котором жил начальник милиции.

Дима посмотрел на него и ответил:

— Может быть, вы такая важная птица, что вас лучше устроит жизнь в церковном соборе?

Но тот, ничуть не смущаясь, говорит:

— Птица я неважная, но я знаю, где райпотребсоюз зарыл несгораемый ящик, и вполне возможно, что он с деньгами. Так я веду вас на это место, имею на этом половину денег и дом с палисадником.

Дима подумал немного и сказал:

— Половина — этого много.

Тогда посетитель обиделся и сказал:

— Может быть, там вообще ничего не окажется, а вы уж спорите.

Дима подумал, что он голова и, в случае чего, он вообще может не дать ни копейки, и согласился. Они условились, что в половине двенадцатого ночи встретятся у кладбищенской ограды, что за городской околицей.

Дима прибыл на место в точно назначенное время. Его сообщник уже ждал его. У него была лопата и свернутый мешок. Не успел Дима сообразить, что к чему, как откуда-то выскочило сразу три человека. Через пять минут Дима уже барахтался в мешке и партизаны несли его в неизвестность...

...Сейчас Дима Султан благополучно сидит в советской тюрьме. На допросах он признает все свои довоенные дела, о деятельности в качестве головы говорит скупо.

А городок опять живет без головы. До сих пор комендант не может найти новой сволочи. Местные партизаны очень гордятся этим...

В. АРДАМАТСКИЙ

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ИМЕННО ПОТОМУ...

— Шульц, почему ты расстроен?

— У меня есть веские основания.

— Как тебе не стыдно, ведь ты немец.

— Именно потому мне и стыдно, что я немец.

(«На врага».)

ФИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

— Суола, ты мой старый друг! Я тебя умоляю: прострели мне руку, ногу, что хочешь, только скорей.

— Зачем, Лями, зачем?

— Я не могу больше жить в этом аду: все равно нас русские добьют, а так я поеду домой, в отпуск...

— Хорошо, но только я тебе заодно выколю глаза...

— Ты с ума спятил, Суола! Зачем глаза?

— Чтобы ты дома не видел, как твою жену обнимает немец, как твою корову уводит Таннер и как вои семена увозят в Германию.

(«Красноармейский удар».)

УСТРОИЛИСЬ

НЕМЕЦКИЙ ОФИЦЕР: — Ну, наконец-то, в этой атаке у нас совершенно нет потерь.

КАПИТАН: — Молодец! Как вы этого добились?

НЕМЕЦКИЙ ОФИЦЕР: — Я погнал в это пекло только румынских вояк.

(«Красный азовец».)

РЕШИТЕЛЬНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ

— Слыхал, Вайно, наше правительство сменило министра продовольствия?

— Ну и что, в Финляндии теперь будет продовольствие?

— Нет, будет новый министр.

(«Красноармейский удар».)

Радушная встреча

НАЧАЛЬНИК тайной итальянской полиции в Милане приказал вызвать к себе пять старших агентов.

— Я уже сообщил вам,— сказал он им,— что завтра из Рима в Милан приезжает для осмотра новой танковой части наш обожаемый дуче. Весть эта стала известна населению. Готовятся ли миланцы встретить своего дорогого Муссолини?

— Готовятся,— скучным голосом ответил один из агентов.— Покушение на него готовят. Металлисты.

— Что?! Вы мелете вздор! Итальянский народ, как никогда, полон сейчас единения! Правильно я говорю, агент Киянти?

— Совершенно правильно, господин начальник! Полнейшее единение. Пекари даже объединились с кондитерами для производства покушения.

— Это, что же, значит, два покушения готовят?

— Три,— деликатно поправил агент Оборвани.— Текстильщики тоже.

— Покушающиеся арестованы?

— Никак нет,— смущенно пробормотали агенты.— О том, что покушаются, известно, а фамилий этих самых покусителей пока узнать никак не удается.

— Ну вот что,— пригрозил начальних,— если немедленно не придумаете что-нибудь толковое, я из вас самих отбивную котлету сделаю. Помните, что такое отбивные, а?

— Помним,— тоскливо прошептал Киянти.— Это из истории. Это из бывшего мяса.

— Есть отличный выход,— предложил Оборвани.— Чтоб обезопасить нашего дорогого дуче, мы делаем так: арестовываем на три дня всех жителей Милана от двух до восьмидесяти пяти лет и...

— Дурак! — перебил начальник.— На такие расходы гестапо не согласится. А хозяева-то — они. Спасение дорогого дуче так дорого стоить не может.

— А если дуче в женский костюм переодеть?

— Не выйдет,— жалобно махнул рукой начальник.— Еще, чего доброго, гестаповцы на улице приставать начнут. Не знаете разве, что женщины на улицах боятся показываться? Это вам не старое время.

— А может быть, его с вокзала в тюремном автомобиле под конвоем провезти?

— Отставить! Что это вам — обыкновенный бандит, что ли?

Агенты сидели всю ночь и грустно думали. Наконец под утро было принято решение.

Вечером, когда к перрону миланского вокзала лихо подкатил римский поезд, любимого Муссолини шумно встречала густая толпа любящих граждан Милана. Она состояла из девяти охранников гестапо, пяти агентов итальянской полиции и трех инвалидов, возвращенных в сильно подержанном виде с русского фронта. Как только Муссолини вступил на перрон, раздался зловещий вой сирены противовоздушной обороны.

Впрочем, никаких самолетов противника над городом не было. Зато и на улицах не было ни живой души.

Моросил дождь. Дул холодный ветер.

— Пе... чет... жарко... в тень хочется,— пробормотал Муссолини, быстро прячась под вагон.

— Не беспокойтесь, ваше превосходительство,— услужливо сказал начальник полиции, вытаскивая дуче и подсаживая его в автомобиль,— это просто так!.. А обожающего вас населения не будет... Не беспокойтесь!

А. ЧЕРНЯК

Рис. Г. Валька

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НАЛИЦО

— Не понимаю, почему говорят о вражде между венграми и румынами! Как видите, они отлично уживаются друг с другом.

Трубка Фрица

Шоссе. Канава. Лесок. Два красноармейца (один молодой, другой постарше) налаживают телефонную связь: разматывают провод.

ПЕРВЫЙ:— Катушка кончилась, товарищ Алексеев...

ВТОРОЙ:— Стало быть, еще километр прошли... Теперь можно и покурить.

ПЕРВЫЙ:— Теперь покурим. Да, товарищ Алексеев?

Телефонисты располагаются на пригорке. Достают кисеты.

ПЕРВЫЙ:— Нет, уж вы моего табачку, товарищ Алексеев. Не побрезгуйте.

ВТОРОЙ:— Да ты береги свой табак. Чего зря раздавать.

ПЕРВЫЙ: — А чего его беречь? Я для вас, товарищ Алексеев, не только табак — на все решусь.

ВТОРОЙ:— Ну уж и на все.

ПЕРВЫЙ:— На все, товарищ Алексеев... С поля боя вас вынесу под жестоким огнем противника... Поскольку вы мой друг и отец... Учите меня всему, наставляете.

ВТОРОЙ:— Конечно, ты молодой, неопытный

ПЕРВЫЙ:— А вы из меня человека делаете... Закуривайте. Не сомневайтесь в моих чувствах. Вот только, извиняюсь, бумажки у меня нет...

ВТОРОЙ:— А мы из древесного листочка свернем...

ПЕРВЫЙ *(закуривая)*:— Мечтал я, товарищ Алексеев, курительную трубочку иметь... Знаете, такую — небольшую, хорошенькую... С бумагой завсегда затруднение, а трубочку набил — и дыми себе...

ВТОРОЙ:— Да, уж трубочка на войне полезна.

Телефонисты курят. Недалеко от них, около канавы, мы видим какого-то сержанта в неподвижной позе. В руках у сержанта странного вида аппарат. На голове наушники.

ПЕРВЫЙ:— Поглядите, товарищ Алексеев... Что это он делает?

ВТОРОЙ:— А это минер... Видишь, какой ты неопытный.

ПЕРВЫЙ:— Да где же мне... недавно в часть прибыл... И что же он делает?

ВТОРОЙ:— А он мины ищет... Вот если в земле, допустим, металл,— в наушниках писк идет или соответствующий гудеж... И значит недалеко мина...

ПЕРВЫЙ:— Подойдемте поближе, товарищ Алексеев... Интересно видеть...

ВТОРОЙ:— Ну, давай поглядим.

Телефонисты подходят к минеру. С интересом смотрят на его работу. Вдруг взгляд молодого телефониста останавливается на каком-то маленьком предмете... Что такое?.. Трубка!.. Маленькая немецкая трубка лежит на земле около канавы. Красивая, изящная трубочка с золоченой решоточкой. Глаза молодого телефониста загораются радостью. Он смотрит на трубку. Быстро нагибается, чтобы взять ее. Но второй телефонист еще более быстрым движением останавливает руку первого.

ПЕРВЫЙ:— Товарищ Алексеев... Это я первый увидел... Потом уж вы...

ВТОРОЙ:— Цыц... не трогай... не смей...

ПЕРВЫЙ:— Нет, так нельзя, товарищ Алексеев... Я увидел... Это нечестно...

ВТОРОЙ:— Не смей... Отойди подальше... Или я тебя...

ПЕРВЫЙ: *(минеру)*: — Товарищ сержант... Ну, что это такое. Сколько мечтал трубочку иметь, а нашел — так этот не дает... А еще старший товарищ... Думает: молодой, так меня и опутать можно...

ВТОРОЙ:— Да погоди ты, леший... Никуда не денется твоя трубка... А может, она минирована, понимаешь...

МИНЕР:— И очень просто... Не трогайте... Сейчас посмотрю, что за трубка Фрица... *(склоняется к трубке)*. Нет, тихо... звуков нет...

ПЕРВЫЙ:— Вот видите, а вы...

МИНЕР:— Но это ничего не значит... Может, мина лежит подальше.

Осторожно, щепочкой минер очищает землю вокруг трубки. Мы видим: тонкий шнур прикреплен к мундштуку трубки. В глазах минера азарт охотника. Точным движением ножниц минер перерезает шнур. Затем, взяв трубку, протягивает ее старшему телефонисту.

МИНЕР:— Вот теперь берите трубочку. Теперь она свободна от неожиданностей.

ВТОРОЙ (первому):— Бери уж... твоя трубка.

ПЕРВЫЙ:— Да уж, поскольку я первый ее увидел...

МИНЕР:— А сейчас поглядим: далеко ли мина *(первому)*. Вот подойди-ка сюда... Слышишь звук в наушниках?

ПЕРВЫЙ:— Слышу...

МИНЕР:— Стало быть, мина здесь.

Осторожным движением рук минер откапывает мину.

ВТОРОЙ:— Ого! Крупная.

МИНЕР:— Да, противотанковая.

ПЕРВЫЙ *(робко)*:— И значит, если б я взял трубку...

МИНЕР:— Да уж, уважаемый... Поехали бы путешествовать на небо...

Молодой телефонист любовно смотрит на свою трубку, потом, вздохнув, подает ее своему товарищу.

ПЕРВЫЙ:— Товарищ Алексеев... Ваша трубка...

ВТОРОЙ:— А не надо мне от тебя...

ПЕРВЫЙ:— Не сердитесь... Погорячился... Это вам за мою жизнь... По справедливости..

ВТОРОЙ:— Тогда вот что. Отдадим трубку Фрица нашему славному минеру. И это будет еще более справедливо.

МИНЕР:— Да я не курю. Оставьте у себя.

ПЕРВЫЙ:— Тогда как же поступить? Может, жребий бросим, товарищ Алексеев?

Второй телефонист смотрит на трубку, которая лежит на его ладони. Потом неожиданно бросает эту трубку в воду.

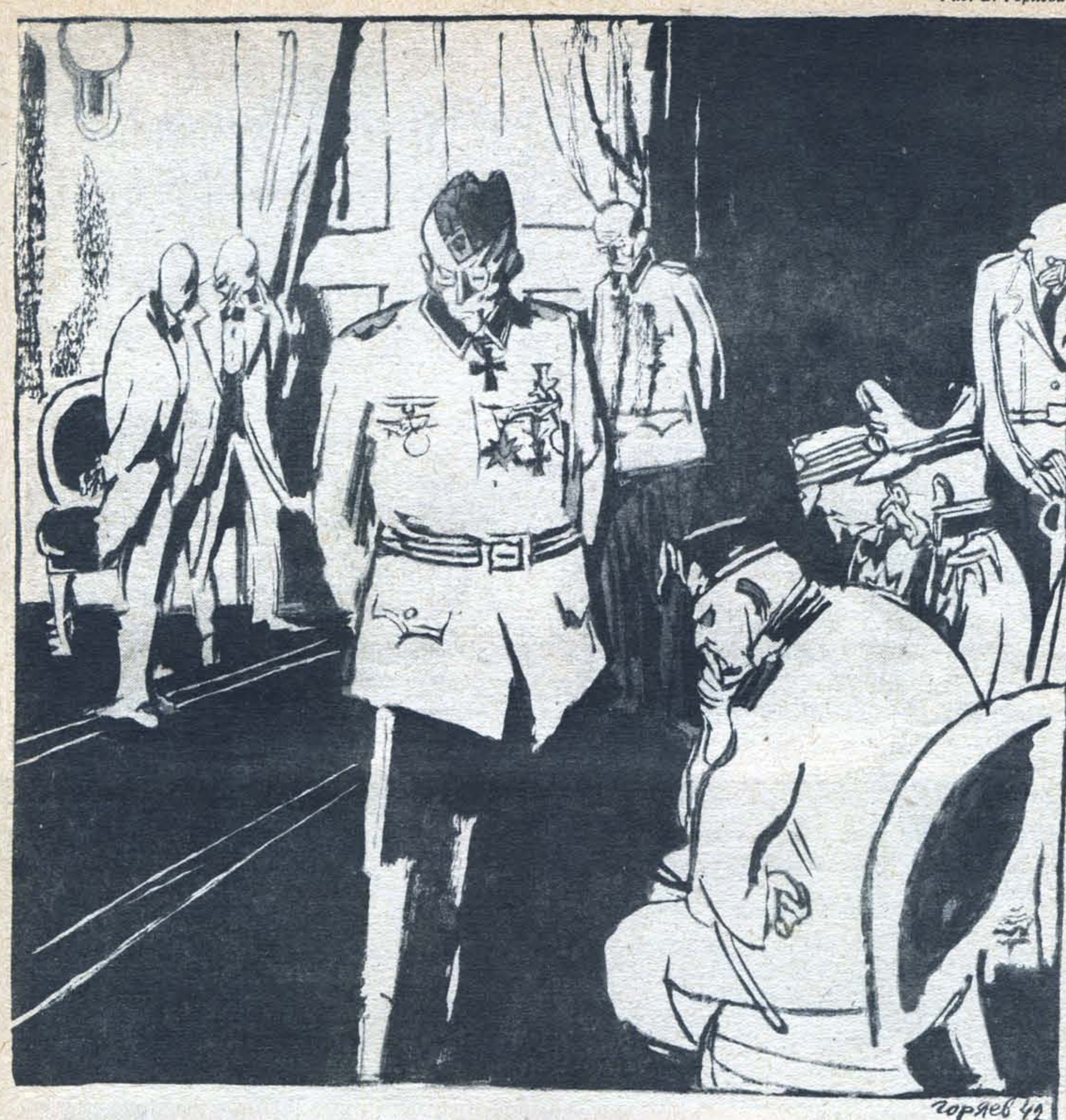
ВТОРОЙ:— А вот как поступим — ну ее к лешему... Что мы тут будем из-за немецкой штуки портить себе характеры...

ПЕРВЫЙ:— Правильно поступили, товарищ Алексеев... Спасибо за науку...

М. ЗОЩЕНКО

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Рис. В. Горяева

— Отчего такие постные физиономии у господ союзников?
— Фюрер опять мяса требует.

Адское оскорбление

(Басня)

У всех чертей дежурных на виду
Иуда с Каином повздорили в аду.
Они кричали так истошно,
Что и чертям всем стало тошно:
— Ты адски глуп!
— А ты стяжатель!
— Ты душегуб!
— А ты предатель!

Кипит словесная игра!
Друзьям мириться бы пора,
Но дернул чорт Искариота:
Он оппонента для чего-то
Паршивым Гитлером назвал.
Ну тут уж начался скандал!..
Размыслил очень верно Каин,
Что слишком сильно он охаян.

— Я Гитлер?!—взвизгнул он, трясясь,—
Сказал бы: кат, сказал бы: мразь,
Ну а таких обид терпеть не буду!
И Каин придушил Иуду...

* * *

Мораль такая есть, к примеру:
Ругать — ругай, но знай же меру.

АЛЕКСЕЙ РЕЗАПКИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-33-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 р. 60 к. в месяц.

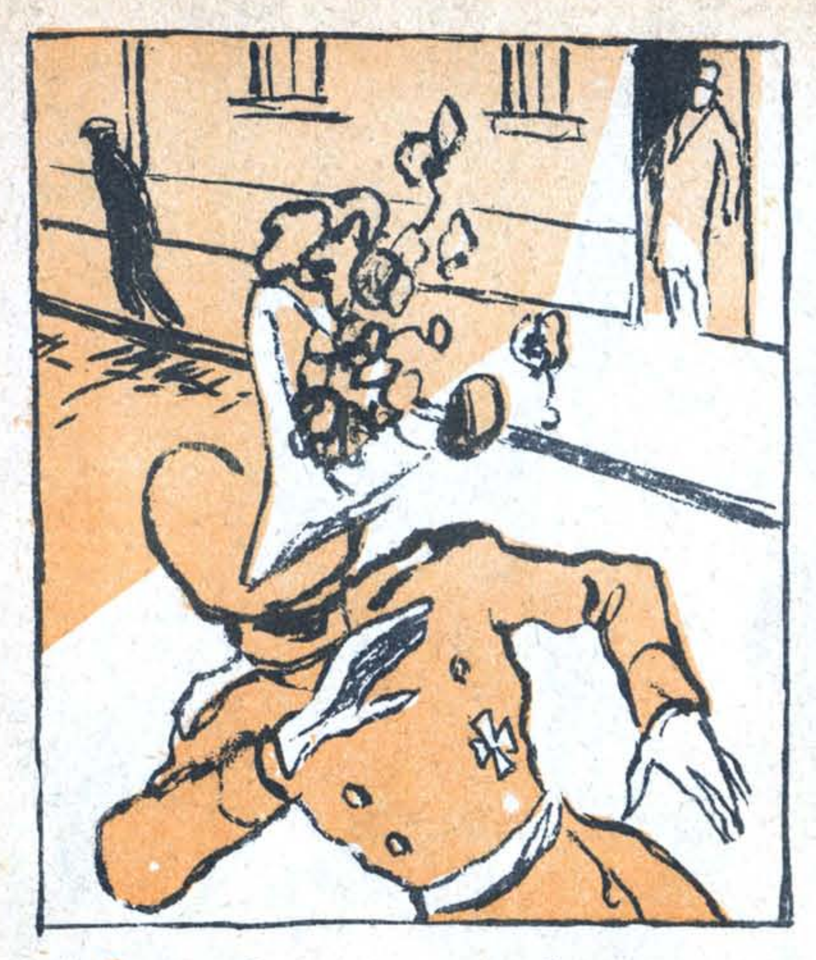
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 630 Подп. к печати 1/IX 1942 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 61486 Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2388. Тираж 200 000 экз.

НЕМЦУ ВО ФРАНЦИИ НЕЗДОРОВИТСЯ

Рис. Л. Бродаты

Его мучают головные боли.

Сильно знобит.

Беспокоят прострелы.

И часто бросает в жар.